

С тех пор как Сяо Чэ заступил на службу в министерство, чиновники храма Дали быстро уяснили: новый младший министр Сяо прибыл сюда не иначе как в роли великого сыщика.

Его совершенно не интересовали подковерные интриги и смена власти при дворе, зато «Записи об удивительных делах Великой Шан» он знал наизусть. Стоило ли случиться какому-нибудь загадочному происшествию, как он неизменно оказывался на месте преступления раньше всех.

Глава храма Дали, господин Лян Куо, поначалу относился к нему с подозрением, но уже через пару дней, стоило кому-то заговорить об господине Сяо, лишь отмахивался:

– Обычный книжник! Начитался бульварных романчиков и возомнил себя вторым судьей Ди? Пусть балуется, не мешайте.

Храм Дали подчинялся князю Ляю, фракции здесь плели сложнейшие интриги, и здешним чиновникам было не привыкать делить службу с подобными избалованными сынками знатных фамилий. Сяо Чжоцин был немногословен и держался тихо; главным его развлечением на службе оставалось с головой уходить в изучение дел. Среди отпрысков знатных родов он был, пожалуй, самым удобным и бесконфликтным начальником.

В ведомстве его все любили.

В этот день после полудня Сяо Чжоцин вошел в канцелярию с папкой свежих дел и застал двух подчиненных за горькими вздохами.

– ...Ты думаешь, я сам не хочу пойти? Я столько сил потратил, чтобы раздобыть приглашение на поэтический вечер младшего господина Ли!

– Закончи уже с этим делом и отправляй на подпись, глядишь, еще успеешь.

– Но преступник даже не допрошен, мы не можем вынести приговор с бухты-барахты! Эх, ладно была не была, на все воля небес...

Сяо Чжоцин совершенно естественным образом возник за их спинами:

– Какое дело рассматриваете?

Оба чиновника резко обернулись и увидели новоприбывшего господина Сяо. Точеный, словно нефритовое деревце, изысканный и утонченный, он даже заурядную чиновничью робу умудрялся носить с таким благородством, что просто стоять рядом было сущим наслаждением для глаз.

- Господин Сяо! - торопливо поприветствовали его оба.

- Заняты?

Заметив, как спокойный и прозрачный взгляд господина Сяо скользнул по бумагам, один из них поспешно пояснил:

- Пустяковое дело, младший чиновник как раз собирается на допрос. Вот только на вторую половину дня намечено поэтическое собрание, а дел невпроворот, так что мы просто выбиваемся из графика.

- Вот как, - господин Сяо выглядел совершенно равнодушным, бросил еще пару дежурных взглядов и уже собрался отвести глаза: - Время полудня, сходите сперва пообедайте, а допросите позже.

Другой чиновник, отличавшийся большей сообразительностью, тут же встрял:

- В деле остались темные пятна, мы бились над ними всю голову, о каком тут обеде думать!

Судя по всему, эти слова возымели действие - господин Сяо действительно обернулся.

- Темные пятна? - переспросил он.

Оба закивали с усердием марионеток.

Господин Сяо, как и ожидалось, не устоял перед искушением и протянул руку за материалами дела.

- Идите, я сам взгляну на дело.

Оба чиновника с изумлением переглянулись.

План сработал!

Они и не подозревали, что стоило им отвернуться, как ослепительный в своем изяществе господин Сяо опустил взгляд на лежащие в руках бумаги, и в его безжалостных, но завораживающих персиковых глазах мелькнула легкая рябь, а уголки губ тронула едва заметная улыбка.

План сработал.

Едва ли дело, которое осмелились переложить на плечи вышестоящего начальника, могло оказаться чем-то из ряда вон выходящим.

Однако оно было напрямую связано с делом Цзян Лу.

Сяо Чжоцин просмотрел материалы от корки до корки.

Один из чиновников пятого ранга ведомства чинов, пятнадцать лет назад возведенный лично Цзян Лу в ранг имперских академиков-шуцзиши, считался преданнейшим учеником опального наставника.

В прошлом месяце этот человек прельстился блудницей, а после возлияний в состоянии аффекта лишил ее жизни.

Несколько дней назад его арестовала Парчовая гвардия, и в день заключения он сразу во всем сознался. Вот только в храме Дали накопилось столько нерассмотренных дел, что очередь до его допроса дошла лишь сегодня.

В подобных расследованиях, когда сам преступник во всем признается, обычно не возникает никаких вопросов.

Но чем дольше Сяо Чжоцин перелистывал страницы, тем более сосредоточенным становилось выражение его лица.

В этом деле крылся подвох.

Если свидетельские показания и улики налицо, почему преступника арестовали лишь месяц спустя?

Как вышло, что весь этот месяц, находясь вне закона, этот чиновник исправно являлся в министерство чинов, вовремя отмечался и занимался бумагами, не проявляя ни малейших признаков попытки к бегству?

И что еще важнее – имя этого человека было знакомо Сяо Чжоцину.

Цуй Мао, чиновник департамента Цинли при министерстве чинов, занимал ключевую должность и ведал вопросами повышения и перевода должностных лиц, однако жил в невероятной бедности. Прослужив чиновником больше десятка лет, он лишь в прошлом году смог обзавестись скромным домиком на восточной окраине города, где даже не мог позволить себе нанять слугу.

Его скудного жалования еле хватало на содержание большой семьи, в то время как убитая им женщина оказалась знаменитой сучжоуской куртизанкой, прибывшей в Ецзин лишь в прошлом месяце и даже выступавшей на расписной ладье князя Ляня.

С такими доходами этот скромный чиновник, даже распродав все имущество до последнего двора, не смог бы оплатить и единой ее песни.

Если только он не брал взятки. Тайком скопил огромные богатства.

Сяо Чжоцин погрузился в глубокие раздумья над материалами дела, после чего, следуя установленному порядку, направился в тюрьму для повторного допроса обвиняемого.

Цуй Мао содержался в следственном изоляторе храма Дали. Поскольку он быстро во всем сознался, к нему не применяли пыток, однако выглядел он донельзя изможденным и потерянным – словно над ним учинили страшную расправу.

Храм Дали целиком и полностью лежал под пятой князя Ляня, а приспешники Лян Куо заполнили здесь каждый угол.

Сяо Чжочин не спешил поднимать шум и спугнуть рыбу раньше времени; он задал положенные по уставу вопросы об обстоятельствах преступления, после чего велел обвиняемому подписать признание и поставить отпечаток пальца.

В последнее время на долю храма Дали выпало слишком много громких дел, так что вынесение окончательного приговора по столь заурядному обвинению в убийстве куртизанки наверняка отложили бы месяца на два.

Забрав материалы с собой, Сяо Чжочин впервые покинул службу в храме Дали точно по расписанию.

– Молодой господин, мы сегодня снова в «Восемь пьяных небожителей»? – радостно осведомился Фусюэ.

– Не спеши, – Сяо Чжочин легко поднялся в экипаж. – Сперва на улицу Весенних Вод.

Ул... улица Весенних Вод?!

Фусюэ остолбенел.

Ван Юань и впрямь раздобыл у своих верных братцев звонкую монету.

Услышав, что четвертый братец испытывает стеснение в средствах, старшие побратимы поспешили проявить широту души и выручить близкого человека из сложного положения, дабы помочь ему преодолеть кризис.

Мэн Кан оказался богаче всех и с легкой руки отсчитал пятьсот ляннов. Шэн Лэй не остался в стороне, швырнув на стол серебряные билеты на триста ляннов. Хуан Тяньхуа дома как раз только что отхватил знатных плетков от старших родственников и сидел под строгим надзором невестки, переживая не лучшие времена, но всё же скрипя зубами выкроил сто ляннов ради братской солидарности.

Ван Юань расчувствовался до слез, после чего, прихватив общими усилиями собранную казну, со слезами умиления зарезервировал роскошный двухдворный особняк.

Раздобыв крышу над головой и деньги, Ван Юань мгновенно воспрянул духом.

Он решил больше ни с кем не церемониться: вернувшись домой, первым делом отчитал на чем свет стоит престарелую каргу, которую привел его собственный папаша, а затем сошелся в рукопашной с двумя своими братцами-игроками.

В довершение всего, стоило ему спешно собрать пожитки и с триумфом покинуть дом семьи Ван, как продавец неожиданно взвинтил цену, потребовав за дом целую тысячу лянов серебра.

Ван Юань с узлом наперевес замер посреди оживленного проспекта, тупо хлопая глазами.

Не хватало каких-то жалких ста лянов, но упертый владелец наотрез отказывался уступать хоть монетку. Разъяренный Ван Юань устроил скандал прямо на улице, честно назвав скрягу свихнувшимся нищевродом, чем собрал вокруг толпы зевак и лишь еще больше разозлил хозяина дома.

- Тысяча лянов, и ни лянком меньше! Нет денег - не суйся покупать!

Слышать подобное было невыносимо - словно у какого-то Ван Юаня могли возникнуть проблемы с финансами!

- Ладно, жди здесь! Подумаешь, тысяча лянов, сию минуту принесу тебе серебро!

Распаленный Ван Юань сгоряча бросил вызов при честном народе.

Слова к делу не пришьешь, пришлось оформить расписку. Сжимая долговое обязательство в руке, Ван Юань застыл на мостовой, осознав, что загнал себя в ловушку.

Достать деньги? Да откуда он их достанет?!

И впрямь: даже храбрец пасует перед грошем!

– Брат Юань, что же нам делать? – встревоженно подала голос Юнь Циэр.

Ван Юань беззастенчиво спихнул узел с пожитками на девушку:

– Посторонись-ка здесь, я мигом решу этот вопрос!

Ловя на себе ее преданный взгляд, Ван Юань круто развернулся и направился напрямик на улицу Весенних Вод.

Оплаченный им номер люкс в башне «Обитель Весны» пустовал еще добрых полмесяца, и он надеялся договориться с управляющей насчет возврата остатка арендной платы наличными, чтобы наскрести недостающую сумму для покупки заветного гнездышка.

Ну а если не выгорит...

В худшем случае он вернется в «Обитель Весны» доживать свои полмесяца, а эту проклятую расписку просто порвет в клочья!

Сумерки клонились к закату, и улица Весенних Вод постепенно погружалась в огни ночной жизни. Несколько дней назад, прохладяя здесь дни и ночи напролет, Ван Юань предавался роскоши и чувствовал себя хозяином положения, глядя с верхних этажей на залитые иллюминацией кварталы.

Однако сейчас ему было совсем не до любования пейзажами.

Внезапно небо озарилось вспышками. Неподалеку над крышей «Обители Весны» распустился фейерверк – судя по всему, кто-то из богатых столичных гуляк снова швырнул тысячу золотых ради поэтического представления первой красавицы Цяньцзянь.

Прохожие наперебой задирали головы вверх, и Ван Юань тоже невольно повернулся, продолжая брести по мостовой и бормоча себе под нос:

- Тьфу, выпендриваются тут...

- Ой, молодой господин Ван, какими судьбами снова к нам?

Хозяйка борделя обладала цепким глазом и, фальшиво улыбаясь, ринулась навстречу. Едва успев подхватить Ван Юаня под руку, она тут же ощутила тяжесть увесистого кошель у него на поясе.

Дежурная ухмылка на лице мадам моментально стала искренней.

- Не мудрено, что благородный господин перестал гостить у нас в «Обители Весны» - видать, в других местах знатно разбогател!

Ван Юань изобразил небрежную щедрость:

- Полноте, моя комната еще свободна?

- На месте, на месте, разумеется, свободна!

Хозяйка рассыпаясь в любезностях повела его наверх. Внутри «Обители Весны» все пестрило шелками, благоухало изысканным вином и женскими ароматами; среди пудровых запахов Ван Юань постепенно вновь вошел в образ важной птицы и, завернув за очередной угол галереи, нос к носу столкнулся с Сун Цяньцянью.

Она только что закончила танец и грациозно спускалась с подмостков, позванивая золотыми колокольцами на запястьях и щиколотках - словно сошедшая с древнего свитка небесная дева.

В кошельке Ван Юаня как раз лежало девять сотен лянов серебра - ровно столько стоило выступление прекрасной Цяньцянью.

Хозяйка заведения расплылась в улыбке, настойчиво теребя рукав Ван Юаня в ожидании, пока этот простофиля при виде красоты не сожжет все свои сбережения в один присест.

Взгляд Ван Юаня затуманился, намертво прилипнув к фигуре Сун Цяньцянью.

Однако рассудок его оставался ясен.

Эти деньги были отложены на покупку дома, тратить их на девку?! Он что, с дуба рухнул?!

И потому, под сияющими манящими взглядами Сун Цяньцян, Ван Юань прочистил горло, стряхнул руку мадам и с абсолютно независимым видом во весь голос затянул стихи:

- Безмолвный, одинокий, я поднялся в западный павильон; луна подобна серпу...

Какое великолепное стихотворение!

В ореоле его таланта создавать шедевры на ходу глаза Сун Цяньцян заметно посветлели.

- Молодой господин Ван... - она плавно приблизилась.

- Печальна и пуста осенняя опара... тьфу, то есть глубокий двор сокрыл осеннюю тоску! - с выражением провозгласил Ван Юань.

Однако в этот момент Сун Цяньцян вдруг слегка замерла, а ее взгляд скользнул куда-то мимо его лица.

Куда это она смотрит?

- Рвешь нить, но завязи всё путаются...

Продолжая декламировать стихи, Ван Юань озадаченно проследил за направлением ее взора и опустил глаза на улицу.

Прямо перед входом остановилась роскошная карета с четырьмя нефритовыми подвесками по углам. Крупные породистые скакуны стояли в ряд перед экипажем, полог откинулся, и оттуда ступила на землю стройная, элегантная фигура.

Парчовый плащ с темным узором, бирюзовый нефритовый венец. В тот самый миг, когда он выходил из кареты, вспыхнувший в ночи салют осветил его черты, и Ван Юань отчетливо расслышал, как Сун Цяньцян судорожно втянула воздух.

Лицо поистине неземной красоты, обрамленное холодным и равнодушным взглядом. Тени от ресниц ложились на точеные линии скул, черные пряди рассыпались по плечам, струясь словно крылья небожителя.

Он ступил на мостовую с такой легкой грацией, будто рушилась нефритовая гора, и потрясенная Сун Цяньцяннь невольно прижала ладонь к груди.

- Это... это же...

С чего вдруг здесь появился Сяо Чжочин?!

Ван Юань позабыл остаток стиха.

Опомнившись на мгновение, Сун Цяньцяннь с замиранием сердца перевела зачарованный взгляд на Ван Юаня:

- Молодой господин Ван, что же дальше?

- Это... это тоска разлуки, - растерянно выдавил он, - совсем иной вкусовой оттенок таится на сердце.

<http://bllate.org/book/18810/1865683>